

Николай Переслѣгинъ

(Окончаніе*)

Петербургъ, 22-го октября 1913 г.

Вчера, дорогая моя Наталенька, получилъ Твое письмо. Слава Богу, Ты уже въ Москвѣ, тронулась, ѣдешь. И все же мнѣ грустно, очень грустно. Зачѣмъ цѣлую недѣлю оставаться у своихъ, зачѣмъ наканунѣ свиданія просить меня какъ можно подробнѣе писать Тебѣ обо всемъ въ Москву, и главное, родная, къ чему это непонятное « обо всемъ », когда такъ ясно и Тебѣ и мнѣ, что Тебя волнуетъ Марина ?

Твое сердце тоскуетъ, Наталенька, чувствуетъ недоброе, мечется, и само того не зная пытается задержать Твой выѣздъ изъ Москвы, какъ все время задерживало Твой отъѣздъ изъ Касатыни. Все это я слышу, все это отсюда вижу, родная, и умоляю Тебя : не надо, не надо поддаваться соблазну. Отъ Твоего послѣдняго письма у меня такъ прекрасно прояснѣло въ душѣ и вотъ ее снова уже обволакиваетъ Твоя ревнивая хмурь. Какое отчаяніе, какая боль, милая, и какое жуткое чувство безсилія. Все, что я самъ знаю о своемъ чувствѣ къ Маринѣ, о смыслѣ и сущности нашихъ съ нею отношеній — все это я Тебѣ рассказалъ въ послѣднемъ письмѣ съ предѣльной искренностью и прибавить мнѣ нечего. Я знаю, что Ты мнѣ вѣришь, но Тебѣ кажется, что я самъ ошибаюсь, самъ не

* См. « Современныя Записки » №№ 14, 15, 17, 18, 20, 21 и 22.

понимаю того, что во мнѣ происходитъ. Ты чувствуешь иначе, чѣмъ я, предчувствуешь бѣду. Пусть такъ, сейчасъ не спорю, не защищаюсь, только недоумѣваю : — почему Ты все же медлишь прїѣздомъ, почему не спѣшишь во очію убѣдиться въ томъ, чѣмъ я живу и открытъ мнѣ глаза на себя самого ? Вѣдь со мною такъ легко до всего договориться, вѣрнѣе до всего дочувствоваться. Вѣдь надъ всѣми моими страстями царить моя главная страсть къ власти надъ своею собственной жизнью, къ умному дѣланію ея.

Но что я пишу, Наталенька, что за безуміе ? Какъ и когда дошли мы съ Тобою до того, что я умоляю Тебя какъ можно скорѣе прїѣхать ко мнѣ, чтобы... увидѣть Марину и разгадать чѣмъ мы съ нею связаны ? Причемъ тутъ Марина, Наташа, когда мы ждемъ другъ друга изо дня въ день вотъ уже цѣлый мѣсяцъ ; ждемъ въ послѣднемъ волненіи и съ послѣдней тоской ? Каюсь, дорогая, въ моей душѣ взвивается какое-то почти злое отчаяніе, какъ только подумаю, что на нашу любовь, стоившую Тебѣ такихъ безмѣрныхъ страданій, чуть было не унесшую въ могилу Алешу, такую большую, счастливую, прекрасную, возстаютъ мои мимолетныя встрѣчи съ Мариной, которую я знаю и люблю почти уже восемь лѣтъ. Да, Наташа, люблю, но люблю совершенно особой любовью, которая на нашу любовь не покушается и намъ съ Тобою ничѣмъ не угрожаетъ. И это не слова, родная, это судьба, — судьба, которая провела меня мимо Марины сначала къ Танѣ, а потомъ къ Тебѣ. Пойми же меня, Наталенька, и повѣрь: Марина не другая женщина, къ которой влечется моя душа, но моя вторая душа, которую Ты, любя меня, всего меня, не можешь и не смѣешь не любить во мнѣ. За « не смѣешь » прости, дорогая. Это конечно не то слово, но я что-то путаюсь въ словахъ ; можетъ быть оттого, что гибнетъ вѣра во всѣ слова, крѣпнетъ чувство, что всѣ слова не тѣ, что сказать вообще никому ничего нельзя.

Господи, какъ много говорили мы съ Тобою о любви, о сознательномъ строительствѣ жизни, о Маринѣ, и что же?.. Ужасъ, Наташа, ужасъ! Что въ томъ, что Твоя любовь вѣрится въ меня, когда Твоя ревность уже не вѣрится въ Твою вѣру?

Но обо всемъ этомъ потомъ. Сейчасъ только одна просьба, одна мольба къ Тебѣ, Наташа. Или выѣзжай завтра же изъ Москвы, или соберись съ силами и прикажи мнѣ навсегда проститься съ Мариной, бросить экзамены и немедленно бѣжать съ Тобою въ Касатынь. Если такова будетъ Твоя воля, я объявлю о ней Маринѣ и безоговорочно исполню ее. Клянусь Тебѣ, мнѣ это будетъ легче сдѣлать чѣмъ изо дня въ день чувствовать, что какая то темная сила въ Тебѣ борется противъ нашей любви, стучится погубить наше счастье. Чувствуешь-ли Ты, Наталенька, какая для меня мука такія письма, какъ Твое вчерашнее письмо: — глухое, пустое, говорящее обо всемъ, кромѣ того, что Тебѣ важно, недоувѣрчивое и настороженное.

Господи, до чего же я знаю въ Тебѣ эти жуткія мгновения, которыхъ еще Алеша боялся больше смерти. Ты все выслушиваешь, но ни на что не отвѣчаешь, со всѣмъ какъ будто соглашаешься, но въ сущности ничего не принимаешь, ничего даже и не слышишь. Говорить съ Тобою въ такія минуты не переносимая мука: отъ каждаго слова Ты только вздрагиваешь и никнешь, какъ дерево подъ ударами топора.

Проснись, Наташа, проснись! Въ чемъ дѣло? Что же случилось? Неужели Тебя такъ взволновало извѣстіе, что мы собираемся чаще встрѣчаться съ Мариной и моя приписка, что я никогда не согласился бы работать вмѣстѣ, если бы не зналъ, что на дняхъ приѣзжаешь Ты, въ присутствіи которой мнѣ ничего не страшно, вплоть до раздвоенія сердца между двумя милыми женщинами?

Но вѣдь это шутка, Наталенька, явная шутка, правда нѣсколько доктринерская (въ смыслѣ ея связи съ моей

философіей любви), слегка провокаціонная (въ виду Твоего отрицанія моей эротологіи) и какъ мнѣ сейчасъ ясно весьма неумѣстная, но все-таки шутка, на которую право же нѣтъ основанія отвѣчать въ такихъ замогильныхъ тонахъ, какими дышетъ все Твое письмо отъ первой до послѣдней строки. Нельзя, нельзя же не понимать шутокъ, моя красавица. Шутка — это цвѣтъ и аромать жизни, ея мимолетная улыбка. Ну улыбнись же, милая, Твоею прекрасной улыбкой, улыбнись сейчасъ-же, просвѣтлѣй надъ своею темною ревностью, удивись ей и разрушь ее! Дай обнять Тебя, поцѣлуемъ сомкнуть печальные глаза, согрѣтъ холодныя ручки. Христось съ Тобою, милая, жду Тебя, мою свѣтлую радость.

Весь твой Николай.

Петербургъ, 23-го октября 1913 г.

Хотя Твоя просьба обо всемъ подробно писать и была внушена Тебѣ злою ревностью, я все же исполняю ее, Таленька. Видишь какой я покорный мужъ.

Вчера, только что я вернулся съ вокзала (возилъ письмо Тебѣ на послѣдній поѣздъ) какъ ко мнѣ постучался присланный Мариной Всеволодъ Валеріановичъ. Пробылъ онъ минутъ пятнадцать, не больше, говорилъ мало, (вѣрнѣе не говорилъ, а отвѣчалъ на вопросы) держалъ себя вообще скорѣе разсылнымъ, чѣмъ знакомымъ, и навелъ меня всѣмъ этимъ на весьма странныя мысли.

Его отношенія къ Маринѣ, какъ я Тебѣ уже писалъ, мнѣ не совсѣмъ ясны, да по правдѣ сказать и мало интересны. Если бы у него и были кое какія захудалыя права ревновать ее ко мнѣ, то во всякомъ случаѣ у него на это нѣтъ никакихъ основаній. А между тѣмъ вотъ уже во второй разъ онъ совершенно опредѣленно и беззащитно обнаруживаетъ свою весьма мало нарядную, косолапую ревность. Увѣренъ, родная, если бы Ты увидѣла какой у Тебя союзничекъ, Ты перестала-бы меня ревновать.

Но знаешь, такимъ смѣшнымъ все это мнѣ кажется только сегодня ; вчера же, я до поздней ночи сидѣлъ не работая, глубоко встревоженный совпадениемъ Твоихъ чувствъ съ чувствами совершенно неизвѣстнаго Тебѣ существа. Какъ ни какъ, а все же странно, родная, что вы со Всеволодомъ Валеріановичемъ что-то предчувствуете, чѣмъ то мучаетесь за насъ съ Мариною, о чемъ-то предупреждаете . . .

Всю ночь я допрашивалъ свою совѣсть, но грѣха на ней не нашелъ.

Но вотъ что меня взволновало, Наталенька. Во всѣхъ нашихъ разговорахъ я раньше всегда думалъ только о насъ съ Тобою, о моей вѣрности и Твоей ревности. О Марининомъ-же отношеніи ко мнѣ я какъ-то никогда не заботился. Вчерашнее посѣщеніе Всеволода Валеріановича что-то измѣнило въ душѣ; его элементарно мужская страсть къ Маринѣ какъ-то снизила и согрѣла ея наджизненный образъ ; навела на мысль, вѣрнѣе, на предчувствіе, что и въ ней есть обыкновенное, бѣдное, Божье созданіе, простая женщина, которой тоже вѣдь можетъ захотѣться попросту обнять и поцѣловать родного, любимаго человека.

За долгіе годы нашихъ сложныхъ отношеній, во мнѣ вчера, можетъ быть, впервые поднялось нѣчто похожее на заботу о ней; и, знаешь, я даже поймалъ себя на совѣсѣмъ простомъ, почти по Т в о е м у хорошему размышленіи : « а что будетъ если Марина дѣйствительно влюбится въ меня ? Вѣдь отвѣчать мнѣ нечѣмъ ! »

Мнѣ, укрытому въ обители Твоей любви, не страшны никакіе законные зовы и никакіе звѣздные знаки ; но ей, бездомной и скитающей ? . .

Страшно стало мнѣ за нее, Наташа, и въ глубинѣ совѣсти всталъ сложный вопросъ : по пути ли ея трагической жизни съ моей романтической правдой ?

Въ этомъ печальномъ, тревожномъ, что то разстраивающемъ поворотѣ вчерашнихъ ощущений, была, впрочемъ.

и свѣтлая точка, надежда, что Твое непонятное отталкиваніе отъ Петербурга, обезпокоенность Твоей души, быть можетъ не только ревность, но и боязнь за Марину, предчувствіе что въ ся душѣ что-то растеть, съ чѣмъ мнѣ будетъ не легко справиться. Въ Тебѣ всегда жила какая-то почти суевѣрная боязнь всего неестественнаго, ненормальнаго ; а наши отношенія съ Мариной конечно не совсѣмъ обыкновенны. Тутъ нечего грѣха таить.

Будь Ты здѣсь, родная, будь Ты всею душою со мною, не ревнуй Ты, не подозрѣвай моего сознанія въ безсознательномъ лукавствѣ, — Господи, съ какимъ восторгомъ раскрылъ бы я передъ Тобою душу своей души, послѣднюю заботу своей жизни и своей правды. Быть можетъ, Наталенька, Твоя любовь еще никогда не была мнѣ такъ нужна, какъ сейчасъ.

Умоляю Тебя, не задерживайся въ Москвѣ; пріѣзжай, пріѣзжай какъ можно скорѣе. Сколько ни пиши, всего не напишешь. Намъ необходимо обо всемъ переговорить съ Тобою, обо всемъ, до конца . . .

Въ запискѣ, которую я отослалъ Маринѣ со Всеволодомъ Валеріановичемъ я назначилъ наше первое занятіе Росмерсгольмомъ на пятницу. Если Ты выѣдешь послѣ завтра въ ночь съ курьерскимъ, мы еще сможемъ пойти къ Маринѣ вмѣстѣ. Это было бы очень хорошо, Наталенька, очень.

Ну, досвиданья, дорогая. Каждымъ ударомъ бьющагося Тебѣ навстрѣчу сердца цѣлую Тебя.

Весь Твой Николай.

Р. S. Уже запечатавъ и надписавъ конвертъ, разорвалъ его. Ударила мысль, какъ-бы Твоей ревности не показалось подозрительнымъ, что я не сообщилъ Тебѣ содержанія Марининой записки, и не написалъ, почему она прислала ее не по почтѣ, а въ поздній часъ съ Всеволодомъ Валеріановичемъ. Еще недѣлю тому назадъ я просто на-

просто расхохотался бы въ лицо такой дикой мысли, но нынѣ, Наташа, какъ ни больно въ этомъ признаться, времена уже измѣнились. А потому сообщаю Тебѣ: Марина прислала «нарочнаго», потому что ей очень хотѣлось чтобы я былъ у нея уже сегодня вечеромъ. Записка же ея состояла изъ слѣдующихъ четырехъ фразъ : « Если свободны, приходите завтра вечеромъ ко мнѣ. Очень хочу показать свою Ревекку моему Росмеру. Простите Вашей Маринѣ эту актерскую игривость. Сегодня совсѣмъ не Ваша Марина ».

Вотъ и все Наталенька.

Еще разъ цѣлую красавицу.

Николай.

25-го октября 1913 г. Петербургъ.

Проснулся сегодня съ необыкновенно легкимъ сердцемъ и не по Петербургски ясной головой. Первое, что бросилось въ глаза — Твой большой дѣтскій портретъ, и не на письменномъ столѣ, какъ обыкновенно, а на тумбочкѣ, около постели. Какой Ты на немъ милый ребенокъ: въ небесахъ, на качеляхъ, въ воздушномъ, кружевномъ платьицѣ. Ручата вытянуты вверхъ по канатамъ, ножки съ оттянутыми внизъ носками, сложены въ облакахъ въ прелестное, балетное па. Голова въ букляхъ задумчиво опущена на грудь; а глаза, чуть изъ подлобья, такія умные, такія ласковые, такія грустные, и такія все тѣ-же, какъ и нынѣ у моей радости, что я какъ заглянулъ въ нихъ съ утра, такъ и затонулъ въ нихъ душою на весь долгій день . . .

Принялъ я свое пробужденіе какъ свѣтлое предзнаменованіе, а потому, хотя на это нѣтъ болѣе никакихъ основаній (сейчасъ уже одиннадцать вечера) все еще пишу съ легкой надеждой, что Ты, быть можетъ, какъ разъ сейчасъ выѣзжаешь съ Тверской на Николаевскій и что мое письмо прерветъ внезапная телеграмма.

Работалось мнѣ сегодня легко и ладно. Увѣренъ, что экзаменъ въ четвергъ пройдетъ очень хорошо. Послѣ него останутся еще шесть (приблизительно по одному въ недѣлю) такъ что не позднѣе 10-го декабря мы съ Тобою уже будемъ собираться обратно въ свою Касатынь. Какъ тревожный сонъ отойдутъ въ небытіе воспоминанія о первомъ, злосчастномъ мѣсяцѣ нашей разлуки и мы будемъ вмѣстѣ смѣяться не только надъ Твоею ревностью, Твоими предчувствіями, но быть можетъ и надъ моими теоріями. Знаешь, милая, иной разъ мнѣ кажется, что я подъ Твоимъ вліяніемъ настолько уже перемѣнился, что мнѣ нужна не свобода, а только право на нее, и не реальная даль, и даже не даль въ окнѣ, а всего только ея изображеніе на стѣнѣ моей комнаты. Сдавъ экзамены и немного отдохнувъ, сейчасъ же послѣ рождества сажусь за работу. Не могу Тебѣ сказать какъ я жду этого времени, какъ мечтаю о немъ. За окномъ снѣжные просторы полей, за спиной на полкахъ безконечныя дали человѣческой мысли, а вблизи одна только Таленька, въ драгоцѣнномъ сердцѣ которой всѣ эти дали, просторы и пути разбѣгаются и сбѣгаются какъ желтыя дорожки у насъ въ паркѣ . . .

Только что пробило двѣнадцать, Наталенька. Черезъ десять минутъ отходить курьерскій. Хотя я въ сущности и увѣренъ, что Ты не ѣдешь, я все же вижу Тебя въ купѣ, — вижу чуть похудѣвшую со слегка отгѣненными утомленіемъ скулами. Твои глаза подъ тревожно приподнятыми бровями скорбно горятъ расширенными зрачками и кажутся совсѣмъ, совсѣмъ темными, какъ у Константина Васильевича. Тебя провожаетъ много народу; Ты какъ всегда со всѣми мила и внимательна, но мнѣ и отсюда слышно, какъ Ты взволнована, какъ разсѣяна, какъ хочешь поскорѣе остаться одной.

Милая Ты моя дѣтонька, ну зачѣмъ же, о чемъ же Ты тревожишься; не надо, родная, не надо. Какъ только тронется поѣздъ задергивай фонарь и ложись спать; не слушай стука колесъ, они всегда навѣваютъ уныніе и не про-

сыпайся рано : ужъ очень безрадостенъ октябрьскій, петербургскій разсвѣтъ . . .

Христось съ Тобою, милая. Цѣлую Тебя и иду спать. Завтра на всякій случай поѣду встрѣчать курьерскій.

Покойной ночи, красавица.

Весь твой Николай.

P. S. Только что пріѣхаль съ вокзала, Наташа. Тебя, о чемъ, впрочемъ, сообщать не приходится, не встрѣтилъ. Зато (хорошо зато!) нашель у себя на столѣ телеграмму. Такъ какъ Ты пріѣзжаешь только въ среду, то мнѣ остается одно : радоваться, что Ты вообще пріѣзжаешь. Если бы все дѣло было только въ томъ, что Ты не можешь нарушить своего обѣщанія Лидіи Сергѣевнѣ, я бы безпрекословно подчинился Твоему рѣшенію. Но дѣло, очевидно, не въ этомъ : несмотря на всѣ мои письма, Ты и въ телеграммѣ повторяешь просьбу подробно написать Тебѣ о сегодняшнемъ свиданіи съ Мариной. Хорошо, напишу. И можешь быть увѣрена, напишу съ полною искренностью и съ тою подробностью, о которой Ты просишь.

Но грустно и горько мнѣ очень. Если бы не Петербургъ, тоже безконечно скорбный сегодня, я былъ бы совсѣмъ одинокъ . . .

Ну до свиданья, Наташа.

Твой Николай.

Петербургъ 27-го октября 1913 г.

Не знаю, Наталенька, со страхомъ говорю, что не знаю, смогу ли Тебѣ описать вчерашній вечеръ. Былъ онъ о чемъ-то безконечно сложномъ, трудномъ и ужъ очень : какъ бы Тебѣ это сказать . . . очень нашимъ съ Мариною : --- Танинымъ, Гейдельбергскимъ, Виленскимъ, о мірѣ, который конечно есть и у Тебя въ душѣ, но звучитъ въ ней все-же совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ въ нашей съ Мариною памяти.

Начну съ признанья : я вышелъ изъ гостинницы въ не совсѣмъ обыкновенномъ и даже больше—въ нѣсколько взволнованномъ цѣстроеніи. Въ сердцѣ растерянно метались слова Марининой записки, вдругъ переставшей почему-то казаться простой, безобидной шуткой.

Не знаю хорошо-ли Ты помнишь загадочный, блѣдный образъ жены Росмера, больной, простой, но чуткой, прозорливой женщины, самовольно ушедшей изъ жизни, скорѣе всего въ припадкѣ болѣной тоски, но можетъ быть и съ мыслью — не мѣшать и хъ любви?

Ну конечно, я и вчера отчетливо понималъ, до чего вся аналогія только бредъ, только расшатавшіеся за послѣднее время нервы, и ничего больше ; но несмотря на ясность самосознанія, я все же бредилъ, Наташа !

Шелъ по людному, вечернему Невскому, толкая по привычкѣ прохожихъ, разсматривалъ грандіозныя корзины съ фруктами въ огняхъ и цвѣтахъ Елисеѣвскихъ витринъ, упорно нанималъ ломившихъ дикую цѣну извозчиковъ на буланыхъ, шведскихъ лошадакахъ, думалъ объ экзаменѣ и одновременно все-же бредилъ : — вертѣлъ въ душѣ колесо какихъ-то призрачно непонятныхъ вопросовъ : почему Росмерсгольмъ... кажется-ли ей, что мы уже въ Танины дни были въ чемъ-то слишкомъ вмѣстѣ... думаетъ ли, что Таня это чувствовала, думаетъ-ли что и Таня?.. Но какъ можно тогда играть Росмерсгольмъ, и что значить, что я иду... на репетицію ?

Все это было сплошнымъ безуміемъ, Наташа, а все-таки, все-таки не знаю какъ это Тебѣ сказать... вѣдь не бессмыслица-же безуміе ?

Вѣроятно я такъ долго торговался съ извозчиками, потому что безсознательно шелъ, чтобы купить цвѣтовъ. У входа въ душистую дверь я внутренне бросилъ Тебѣ вопросъ : — покупать-ли ? Ты отвѣтила « нѣтъ », но въ эту же секунду ко мнѣ уже подошелъ приказчикъ.

Такъ какъ въ мірѣ моихъ цвѣточныхъ символовъ розы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ навѣкъ отданы Тебѣ, то

ему несмотря на всѣ старанія не удалось навязать мнѣ куста прекрасныхъ, чайныхъ розъ. Обшаривъ весь магазинъ, я было уже выбралъ деревцо лиловой сирени, какъ вдругъ мнѣ вспомнилось, что Марина больше цвѣтовъ любить длинные стебли въ водѣ, и я велѣлъ срѣзать двадцать крупныхъ, бѣлыхъ гяцинтовъ.

Давно знакомый, но забытый запахъ — какая это великая сила, какая власть надъ сердцемъ, Наташа, какая въ немъ иной разъ разверзается головокружительная бездна, какою древнею отъ него вѣсть вѣчностью! Ёду къ Маринѣ : вотъ свинцовыя воды Невы ; вотъ четкіе въ мрачномъ небѣ ангелы на крышѣ Исакія ; вотъ сфинксы, другъ противъ друга, у одного на нижнемъ вѣкѣ снѣгъ, и онъ какъ то странно подмигиваетъ мнѣ ; просторъ, мракъ ; всюду и во всемъ единственный въ мірѣ ни съ чѣмъ несравнимый Петербургъ, но . . . но отъ гяцинтовъ такъ сильно, такъ памятно, такъ тревожно пахнетъ прошлымъ, моимъ непроходящимъ прошлымъ ; что, глядя открытыми глазами на Петербургъ, я не только чувствую, но воочію вижу Вильну : деревянный флигелекъ внутри церковной ограды, три комнатки, и въ одной изъ нихъ подъ Танинымъ портретомъ маленькій письменный столъ, по его угламъ черныя фигурки слоновъ съ бѣлыми клыками, а между ними четыре горшка бѣлыхъ, кудрявыхъ гяцинтовъ . . .

Съ этимъ, вдругъ всплывшимъ міромъ подъѣзжаю къ дому. Въмѣсто тихаго флигеля подъ топодемъ — отвратительный новый домъ на нѣсколько десятковъ дешевыхъ, но культурныхъ квартиръ. На темноватой лѣстницѣ скучно пахнетъ сѣрою, интеллигентскою бѣдностью. На каждой площадкѣ по четыре зеленыхъ декадентскихъ двери. На одной изъ нихъ, на четвертомъ этажѣ Маринина карточка.

Я не сразу позвонилъ ; какое то пронзительное чувство грусти и недоумѣнія, что здѣсь, за этою дверью можетъ

жить Марина, на нѣсколько мгновений задержало сердце и руку...

Раздались тяжелые, быстрые шаги, какъ-то слишкомъ широко распахнулась дверь и взъерошенный Всеволодъ Валеріановичъ въ поношенной тужуркѣ съ несовѣтъ естественной привѣтливостью неуклюже заслонилъ своею фигурою входъ въ квартиру. Онъ помогъ мнѣ раздѣться, у двери въ гостинную, тиснулъ, словно тугой колодезь качнулъ, мнѣ руку, буркнулъ, что Марина Николаевна сейчасъ выйдетъ, накинулъ шинель и хлопнулъ дверью...

Я оглянулся: ужасная комната, ужасная мебель: ни одной Мариной вещи, ни одного звука о прошломъ — сплошное предательство! Бѣдные, бѣдные мои цвѣты, и зачѣмъ только я васъ покупалъ...

Съ какою-то почти злобною досадою шагаль я по гостиной недоумѣвая, какъ Марина, съ которой мы столько говорили о культѣ встрѣчъ въ память первой встрѣчи, могла такъ бездарно обставить наше первое у нея, послѣ Вильны, свиданіе.

За закрытой дверью раздались шаги, дверь быстро растворилась и въ комнату вошла Марина.

Очень простое, подчеркнуто старинное черное платье; какъ то глаже и строже обыкновеннаго причесанные на прямой проборъ волосы; на лбу (профессиональная деталь) легкіе слѣды пудры; въ глазахъ та совѣтъ особая радостная оживленность, которая дается женщиной чувствомъ увѣренности въ совершенствѣ своего образа и власти надъ нимъ и во всемъ обликѣ какое-то новое движеніе, какой то крутой взмывъ дороги въ гору, съ которой предчувствуешь — сейчасъ раскроется даль...

Осчастливленный такимъ появленіемъ Марины (неужели это грѣхъ, Наталенька?) я со словами «какъ хорошо, что Вы такая», почти что бросился ей навстрѣчу.

Хотя она моихъ словъ и не поняла, она имъ все же обрадовалась. Обрадованный ея радостью я началъ было говорить о томъ грустномъ, отчуждающемъ впечатлѣніи.

которое произвели на меня ея домъ, квартира, обстановка, ринувшійся отъ меня Всеволодъ Валеріановичъ, все такое новое, чужое, и о томъ до чего я радъ, что она не только такая, какъ раньше, но даже больше, напоминаетъ прекрасный, старинный портретъ, — какъ она вдругъ (съ нею это бываетъ) смертельно поблѣднѣла и тихо положила руку мнѣ на рукавъ, словно прося не продолжать дальше...

« Въ чемъ дѣло, Марина, что съ Вами ? »

« Ничего, ничего, только вдругъ стыдно и грустно стало за свое полутеатральное платье, за вашъ полурежиссерскій комплиментъ. Въ Вильнѣ все это было бы невозможно. А мебель, квартира — это неважно ; не мое — знакомыхъ. Не все ли равно у кого жить. Всеволодъ Валеріановичъ тоже не мой, — ихъ, жильцѣ ; очень хорошій человѣкъ и любить меня » ...

Она, очевидно, хотѣла еще что то сказать, но вдругъ оборвала себя и прибавила уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ : « пойдемте лучше ко мнѣ, Николай Федоровичъ, вамъ у меня будетъ уютнѣе чѣмъ здѣсь » ...

Въ двухъ небольшихъ комнатахъ оказалась разставленной почти вся виленская мебель и развѣшены всѣ портреты ; глухая, уютная тѣснота и обдуманная, почти музейная тщательность размѣщенія всѣхъ вещей наполняли Маринино обиталище какимъ-то совершенно особеннымъ настроеніемъ, въ которомъ острая лирическая взволнованность странно переплеталась съ впечатлѣніемъ суроваго отреченія отъ жизни.

Угломъ въ комнату — материнскій рояль покрытый чернымъ сукномъ ; между окнами письменный столъ со слонами, надъ нимъ Танинъ портретъ ; по длинной стѣнѣ классическая стайка старомодной орѣховой мебели, по всѣмъ простѣнкамъ полки, перегруженные книгами Бориса. Окна и двери глухо занавѣшанныя тяжелыми портьерами ; на роялѣ и столахъ, какъ всегда, цвѣты.

Усадивъ меня на диванъ, Марина принялась хлопотать о гіацинтахъ. Принесла и поставила на рояль четыре дру-

стальныхъ вазы, погрузила въ каждую по пяти цвѣтковь и долго медленно и заботливо вращала своими немощными, длинными пальцами упругіе стебли, добиваясь, чтобы они какъ то по особенному « онѣмѣли » въ водѣ.

Чего она добивалась, я, какъ ни присматривался къ ея рукамъ, такъ и не понялъ, объяснить же она ничего не могла. Кончивъ, она перенесла двѣ вазы подѣ Танинъ портретъ, ласково и виновато улыбнулась, что такъ долго занималась не мною и опустившись рядомъ со мною на диванъ сиротливо сказала : « если бы вы знали, какъ я рада, что вы у меня, я такъ давно васъ по настоящему не видала ». Простого отвѣта на это признание у меня не нашлось, разговоръ сразу-же оборвался, наполнивъ комнату пустымъ, неловкимъ молчаніемъ. Чтобы какъ-нибудь прервать его, я спросилъ Марину, почему она выбрала для экзаменаціоннаго спектакля роль Френкель Вестъ. Съ этого вопроса, Наташа, начался тотъ большой, существенный разговоръ, который уже давно виталъ около насъ и все-же совершенно неожиданно ворвался вчера въ нашу жизнь.

Долженъ признаться, Твоя ревность оказалась много проникательнѣе моей философіи. Вчерашній Марининъ рассказъ подтвердилъ почти всѣ Твои догадки.

Да, уже въ Клементьево она приѣзжала, если хочешь, « за мной »; — конечно, безъ всякой мысли занять Танино мѣсто, но все же съ осознаннымъ желаніемъ « предупредить » измѣну, близость которой внезапно взволновала ее какъ разъ въ то время, когда рѣшалась наша судьба. Позднѣе, вернувшись въ Вильну и мучаясь « стыдными » воспоминаніями, она въ упорной борьбѣ противъ себя, вѣрише противъ своего представленія о себѣ, дошла до глубоко потрясшаго ее сознанія, что, борясь за Таню, она безсознательно боролась и за себя. Это признаніе далось Маринѣ не легко, Наташа, и я остро чувствую тяжкую отвѣтственность, которую беру на свою совѣсть, предавая

ея исповѣдь Твоей ревности. Но видить Богъ, мнѣ иначе нельзя.

Можешь себѣ представить, она такъ прямо и сказала : « когда годъ тому назадъ мнѣ случайно попался подъ руку « Росмерсгольмъ », я съ первыхъ же строкъ поняла, что это о насъ съ Вами, но только тѣ все поняли, во всемъ себѣ признались и со всѣмъ покончили на мосту, а мы все перекидываемъ мостики, прикидываемся, что ничего не понимаемъ... Вы счастливы и сдаете экзамены ; я готовлюсь на сцену и собираюсь не то передъ вами, не то съ вами играть Ревекку... Нѣтъ, или я съ ума схожу, или мнѣ сотворенъ дьяволомъ !... »

Она волновалась безумно : уже не сидѣла, а быстро ходила по комнатѣ съ опущенной головою и сложенными за спиной руками, останавливаясь на мгновенье то у окна, то у двери. — Можетъ быть я грѣшу, Наташа, грѣшу холодною сердцемъ : — Маринино волненіе было конечно до конца искренне, но все же въ ея манерѣ ходить, останавливаться, поворачиваться мнѣ слышались какіе то Дувевскіе ритмы. Я не осуждаю ее, Наташа, нѣтъ, я только дивлюсь, какъ сложна душа человѣка и какъ сильно измѣнилась Марина.

Чувствую, Наталенька, какъ Ты волнуешься, быть можетъ даже готова заподозрить мою искренность. Не надо, дорогая, не надо ; искренность во мнѣ не добродѣтель, а страсть, быть можетъ даже порокъ : — жестокость. Тебѣ подозрительно, что я все рассказываю о Маринѣ, Ты ждешь рассказа о томъ, что чувствовалъ и дѣлалъ я. Сейчасъ все, все расскажу.

Каюсь, я дѣлалъ все время обратное тому, что съ Твоей точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, мнѣ нужно было-бы дѣлать.

Каюсь, я не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки утишить Маринино волненіе, упростить ея трагическую проблематику, доказать ей, что такъ и надо : мнѣ сдавать экзамены,

ей работать надъ ролью, ибо жизнь есть всегда только жизнь !

Нѣтъ, Наташа, на всѣхъ путяхъ я былъ встрѣченъ Маринѣ и всѣмъ звучаніямъ ея души созвученъ. Она была мнѣ безконечно близка и, кромѣ того, она была вчера прекрасна !

Въ отвѣтъ на ея признаніе, что она въ Вильнѣ только потому не полюбила меня, что любовь была въ то время перечеркнута въ ея волѣ и сознаніи смертью, мнѣ конечно, не нужно было спрашивать, была ли она убита и въ сердцѣ, но я именно объ этомъ и спросилъ. Ея отвѣтъ? Право не знаю, Наташа, какъ передать Тебѣ его, какъ описать ту безконечную ласку, которою вдругъ проголѣбли ея темные глаза, ту медленную походку, въ раздумку, которою она подошла ко мнѣ черезъ комнату, ту безкорыстную искренность, съ которою она призналась : « изъ сердца, нѣтъ, изъ сердца ея не вычеркнешь, но я это слишкомъ поздно поняла, милый ». Мы стояли рядомъ. Ея узкая, безсильная рука нервно морщила скатерть ; дрожь этой руки невольно передалась мнѣ ; я наклонился и поцѣловалъ ее ; она была холоднѣе льда, такъ же холодна, какъ Твоя рука, которую я цѣловалъ на разсвѣтъ, за шесть часовъ до Вашего съ Алешею вѣчанія. (Я знаю, Наташа, какою причиною Тебѣ боль, но Ты сама просила о безжалостной искренности).

Танины бредовыя слова, « если бы Марина была здѣшняя, Ты полюбилъ бы не меня, а ее », тутъ же молніей сверкнули въ сердцѣ и раньше чѣмъ я успѣлъ почувствовать, что ихъ сейчасъ не надо повторять, я услышалъ свой голось уже повторившій ихъ, уже взволнованно признававшійся Маринѣ, что Таня была права.

Это признаніе, въ правильности котораго я былъ увѣренъ только въ ту минуту, какъ его произносилъ, произвело на Марину потрясающее впечатлѣніе. Она даже не сразу охватила оба его смысла, и страшный, что Таня о

чемъ-то догадывалась, и радостный, что ея догадка была вѣрна.

Поблѣднѣть она уже не могла, но ея блѣдность помертвѣла, нервная улыбка перестала дрожать на лицѣ; лицо окаменѣло, глаза расширились, ослѣпли... Я смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ: ея обморочное оцѣпенѣніе со страшною силою всколыхнуло въ душѣ и тѣлѣ, казалось навѣкъ уснувшую, память о Таниной страсти. Ознобъ восторга и отчаянія пробѣжалъ по спинѣ; Марина обезсиленнѣвъ опустилась на диванъ, глаза закрылись, губы посинѣли... Я почувствовалъ могильный холодъ на своемъ лицѣ, услышалъ стукъ Марининыхъ зубовъ о свои зубы и... черезъ нѣсколько секундъ или нѣсколько вѣчностей — услышалъ далекій далекій, изъ небытія пробуждающійся голосъ Марины « такъ вотъ какъ они цѣлуютъ ? ». Въ этомъ « они » дошелъ и ударилъ по мнѣ звукъ грѣшной, монашеской мечтательности... Мнѣ стало душно и страшно; я подошелъ къ окну и открылъ его. Была свѣтлая холодная ночь, съ моря дулъ рѣзкій вѣтеръ. Не было ни одного освѣщеннаго окна — я посмотрѣлъ на часы и удивился, шелъ уже третій часъ.

« Коля » услышалъ я совсѣмъ погасшій голосъ Марины.

« Что, милая »?

« Ужасно, какъ вы сейчасъ отошли къ окну. Воля, какая это въ васъ, мужчинахъ, жестокая, и не обижайтесь, вульгарная сила. И на Таниныхъ похоронахъ вы стояли на паперти... ахъ, какой сильный, рѣшившійся жить. Я ненавижу волю, она всегда предастъ прошлое; она глупа: не понимаетъ, что выхода, никакого выхода нѣтъ, она ненавидитъ страданье, а страданье это все, все, что вообще есть! Вотъ, хотя бы у насъ съ Вами!.. »

Она замолчала; я молча подошелъ къ дивану и сѣлъ у ея ногъ. Въ ея глазахъ волновалась какая-то мысль, она явно чего-то не договаривала.

« Да, Марина? »

« Да, да, ваша Наташа совсѣмъ другая, я ее чувствую, она вамъ все отдастъ, умретъ за васъ, но помните, не страдать о прошломъ и другомъ вамъ не позволить... »

Ну... идите домой... и вотъ что : мы такъ поздно объяснились съ вами... что самое мудрое будетъ рѣшить, что мы никогда не объяснялись »...

Она встала, и роропясь, словно боясь чего-то, стала прощаться.

Миѣ хотѣлось сказать ей тысячу вещей, но невольно подчиняясь ея тревогѣ, я поцѣловаль ся руку и быстро направился къ двери...

Мы опоздали, Наташа.

« Постойте » страстно вздрогнулъ и съ неудержимымъ отчаяніемъ взвился Марининъ голосъ, « я не вернула вашего поцѣлуя, а я хочу, хочу чтобы вся вина была моею »....

Я не могу Тебѣ описывать наше прощаніе, Наташа. Былъ только одинъ поцѣлуй. Есть вещи, о которыхъ быть можетъ нужно говорить, но о которыхъ нельзя никому рассказывать. Да, даже и женѣ.

Ну вотъ и все, Наташа. Все, до самаго послѣдняго конца, до самаго темнаго корня.

Съ глубочайшей вѣрою въ Твою силу и мудрость передаю свою исповѣдь на судъ Твоей любви. Жду Тебя въ среду. Буду въ отчаяніи, если переѣмнишь рѣшеніе. Чтобы все понять Тебѣ надо съ оими глазами увидѣть Марину и меня вмѣстѣ съ нею здѣсь, въ Петербургѣ. Пойми, если бы у меня была не чиста передъ Тобою совѣсть, я не ввѣрялъ бы своей судьбы Твоимъ глазамъ.

Умоляю не допускать души ни до какихъ рѣшеній, пока не увидимся.

Въ послѣдній разъ : жду Тебя въ среду, жду непременно.

Весь вѣчно Твой

Николай.

30-го октября 1913 г. Петербургъ.

Твои безумныя строки, Твой приговоръ, только что получилъ, Наташа.

Пусть будетъ все, какъ Ты того хочешь. Завтра же довожу до свѣдѣнiя декана, что вынужденъ прервать экзамены. Сегодня же пишу Маринѣ, что срочно возвращаюсь въ Касатынь. Одного только не могу исполнить, Твоей просьбы скрыть отъ нея причину отъѣзда. Я не могу примирить его ни со своею совѣстью, ни съ моею вѣрою въ Тебя.

Ты потребовала отъ меня выдачи всѣхъ Марининыхъ тайнъ, а сама отказываешь ей въ элементарной искренности. Что съ Тобою, Наташа? Неужели Ты считаешь возможнымъ принимать отъ человѣка исповѣдь и одновременно его обманывать.

Да, я помню, что всегда говорилъ Тебѣ, что «любовь священна, а не гуманна», но прошу Тебя вспомнить и то, какъ я умолялъ Тебя ничего не скрывать отъ Алексѣя. Священна кровь, Наташа, — кровь, а не ложь. Если бы Ты подослала ко мнѣ убійцу, я бы Тебѣ на томъ свѣтѣ простилъ; но подсылать меня къ Маринѣ, чтобы я ей лгалъ — непростительно.

И дѣло тутъ вовсе не въ любви, а всего только въ самолюбii, въ женскомъ самолюбii, повѣрь мнѣ.

Ты пишешь «нельзя вводить третьяго въ тайну двухъ». Но позволь, развѣ Ты для Марины не третiй? Потомъ что значить не вводить въ нашу тайну третьяго? Вѣдь Марина уже давно введена въ нее самой судьбой.

Ахъ Наташа, Наташа, я такъ Тебя просилъ не допускать своей души ни до какихъ рѣшенiй, а Ты взяла и все рѣшила, не выслушавъ, не увидавъ меня.

Нѣтъ, Ты тысячу разъ неправа: ни о какой измѣнѣ не можетъ быть и рѣчи и быстрой ампутаціей ничего не спасти. Прости мою веселость (когда меня безъ хлороформа оперировали, я тоже пѣлъ, чтобы не кричать) но я, право,

не институтка и Марина не гусарь ; меня нельзя, какъ въ старинныхъ романахъ, взять да и увезти въ деревню. Мы съ Мариной не влюблены другъ въ друга, а обречены единой мукой. Это совсѣмъ, совсѣмъ другое, хотя такъ же какъ и любовь бросаетъ въ объятія и влечетъ уста къ устамъ.

Измѣна ! Если бы Ты знала, какъ я безумно любилъ Тебя вчера, Наташа, когда отославъ письмо остался совсѣмъ одинъ на всемъ свѣтѣ. И какъ я ясно зналъ и видѣлъ, что все мое спасеніе и счастье только въ Тебѣ, въ Тебѣ одной !

Помнишь я писалъ Тебѣ о домѣ и дали, случайно, какъ разъ наканунѣ пріѣзда Марины ко мнѣ въ лагерь ? Да, домъ только тогда и домъ, когда онъ власть надъ той далью, что манитъ въ окнѣ. Но противъ далей нельзя бороться ставнями ! Наглухо забитый домъ — не домъ, а склепъ ! . .

Хорошо, скажу Маринѣ, что ѣду въ деревню, потому что рѣзко ухудшилось здоровье отца. Возьму на душу грѣхъ, но только въ надеждѣ, Наташа, что когда все уляжется, Ты первая велишь мнѣ разъяснить ей правду.

Выѣду я завтра вечеромъ, или послѣзавтра утромъ. Во всякомъ случаѣ дамъ еще телеграмму.

Господи, до чего непонятна жизнь и до чего бываетъ одинокъ человекъ ! Бѣдный Ты мой, ни въ чемъ неповинный ребенокъ ! Христось съ Тобою, да поможетъ онъ Тебѣ перенести все, что ждетъ Тебя.

Твой Николай.

ЭПИЛОГЪ.

22-го декабря 1914 г. Галиція.

Сегодня ровно годъ, Наташа, какъ проводивъ Тебя до Калуги, я вернулся въ Касатынь, навсегда покинутую Тобою.

Отецъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, обнялъ, смахнулъ слезу, первую за всю свою жизнь, и со словами : « и зачѣмъ она меня только выходила », вошелъ, тяжело опираясь на мою руку, въ домъ : мрачный, торжественный, мертвый. Передъ смертью, — онъ умеръ на моихъ рукахъ — онъ часто поминалъ Тебя, просилъ вызвать телеграммой ; но я отказалъ. Иначе не могъ. Не могъ я также отвѣтить и на письмо Лидіи Сергѣевны, которое получилъ за двѣ недѣли до выступленія нашей дивизіи на фронтъ.

Она просила, чтобы я захватилъ въ Москву проститься съ Тобою. Писала просто и страшно, по матерински, по женски, что на Тебѣ лица нѣтъ, что Ты таешь изо дня въ день, что она не успѣваетъ перешивать платья, страшно боится за Твое здоровье, что доктора шлютъ Тебя на Югъ, но что Ты никуда не хочешь ѣхать.

Конечно, Наташа, будь у меня хотя бы малѣйшая возможность увидаться, я сдѣлалъ бы все, чтобы проститься съ Тобою, нарушилъ бы нашъ уговоръ, что первую пишешь Ты ; вѣдь разставаясь мы не знали, что разстанемся наканунѣ войны. Но въ то время для меня не было никакой возможности свиданія. Въ первый разъ въ жизни я былъ окончательно обезсилень, мертвъ...

Сейчасъ пишу Тебѣ, потому что не могу больше молчать ; не можетъ человѣкъ жить безъ исповѣди.

Разрѣши рассказать Тебѣ какъ все было. Съ Твоимъ отъѣздомъ Касатынь умерла. Въ домѣ, на дворѣ, всюду все онѣмѣло. Только въ отцовскомъ кабинетѣ каждыя полчаса на весь домъ (раньше ихъ никогда не было слыш-

но) били часы, да шмыгали туфли, по дорогѣ въ могилу.

Въ страшной тоскѣ я цѣлыми днями до изнеможенія ходилъ на лыжахъ; глубоко за полночь просиживалъ въ Твоемъ креслѣ у печки, стараясь понять что случилось. Въ моей правдѣ и вѣрѣ я тогда еще не колебался. Все-же временами налетали сомнѣнія (можетъ быть это были соблазны, Наташа?) — правда ли, что мое чувство къ Маринѣ не было любовью и не было измѣной? Послѣ недолгой борьбы я несмотря на отчаянное сопротивление отца все таки поѣхалъ въ Петербургъ, провѣрять свое чувство къ Маринѣ.

Марина сильно и сложно измѣнившаяся за тѣ полгода, что мы не видались, приняла мой приѣздъ, какъ должное. Ни о чемъ не сказала и не спросила ни слова; казалось, ей было все ясно, и прошлое, и будущее.

Кошмаръ начался сразу, съ первой же встрѣчи. Ночи напролетъ мы истязали другъ друга безысходными изступленіями и мучительно бесплодными разговорами. Я изощрялся въ жестокихъ доказательствахъ, что наши муки не любовь, что только въ настоящей любви возможно исцѣленіе отъ нихъ. Марина темнѣла и замолкала все страшнѣе и глуше. То большое, особенное, сложное чувство единственной близости, которое раньше соединяло насъ, исчезло почти безслѣдно. Марина это чувствовала, страдала, плакала, но сдѣлать ничего не могла. Ея страсть ко мнѣ и къ своей страсти поработала ее со дня на день какъ наркозъ; начались вспышки остраго отвращенія къ себѣ и почти ненависти ко мнѣ. Появилась неотвратимая потребность самоистязанія, самоистребленія. Исчезла всякая возможность хотя бы минуты душевнаго отдыха: — всякій разговоръ, всякое малѣйшее прикосновеніе къ прошлому, все превращалось въ сплошную муку. Въ мыслѣ о самовольномъ уходѣ Тани изъ жизни она обрѣла, наконецъ, то страшное орудіе душевной пытки, къ которой тянулась ея обреченная душа. Поколебать

ее не было никакой возможности. Она вѣрила въ свою догадку (которую быть можетъ я же ей подсказалъ) какъ въ установленную истину, и всякая попытка разубѣдить ее вызывала припадки изступленной ненависти ко мнѣ.

Душевное состояніе ухудшалось изо дня въ день ; никакія средства противъ безсонницы не помогали ; появились галлюцинаціи, грозившія перейти въ психическое расстройство. Она разрушалась на моихъ глазахъ. Все это я сознавалъ съ полною отчетливостью, чувствовалъ, что все со страшною быстротою несется къ неотвратимой катастрофѣ, и все же ничего не предпринималъ, чтобы спасти Марину.

Почему ?

Все время бьюсь я, Наташа, надъ этимъ мучительнымъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Одно только знаю твердо : моя воля была при мнѣ ; ея хватило бы на исполненіе любого рѣшенія. Порабощенъ я своимъ чувствомъ къ Маринѣ не былъ, никакихъ « смягчающихъ обстоятельствъ » мнѣ въ этомъ отношеніи не найти. Иногда мнѣ кажется, что все случилось прежде всего оттого, что съ Твоимъ, такимъ тогда еще непонятнымъ для меня уходомъ, исчезла всякая вѣра въ возможность какихъ-бы то ни было рѣшеній и разрѣшеній. Еще въ Касатыни во мнѣ родилась и стала соблазнять лукавая мысль, что жизни, реальной, настоящей жизни построить на любви вообще невозможно, что любить, въ полномъ смыслѣ этого нездѣшняго слова, только и значить, только и можетъ значить разрушать всякую здѣшнюю жизнь.

Въ Петербургѣ эти мысли еще усилились, нашли путь къ моимъ глубочайшимъ чувствамъ. Я жилъ одновременно и въ отчаяніи, и въ восторгѣ, быть можетъ въ восторгѣ своего отчаянія.

Отвѣтственности все это съ меня не снимаетъ, и моя вина не становится меньше, нѣтъ, я это знаю, Наташа. Становится только понятнѣе, какъ все случилось, и Тебѣ, быть можетъ, будетъ легче простить меня.

Ахъ какъ подлѣ человѣкъ, Наташа. Пока Всеволодъ Валеріановичъ изрѣдка наваливался на меня своею душною тяжелою ревностью, за которою мнѣ чудились какія-то его права, какая то ея любовь, я его какъ ни какъ все же замѣчалъ. Но послѣ того, какъ Марина его околдовала и онъ загнипотизированный ея вліяніемъ совершенно присмирѣлъ, онъ превратился для меня въ довольно симпатичное, но и окончательно пустое мѣсто. Я совсѣмъ пересталъ ощущать его присутствіе и интересоваться его безграничнымъ, но и безнадежнымъ чувствомъ. Судьба была милостива: она сдѣлала попытку предостеречь меня. Сорвавшаяся у насъ съ Мариной тяжелая сцена могла бы мнѣ многое вскрыть, если бы у меня тогда были глаза и уши. Но я остался непонятно глухъ и слѣпъ.

Надъ удушьемъ нашихъ отношеній непрерывно вспыхивали какія-то безпричинныя столкновенія. Во время одной изъ такихъ вспышекъ мнѣ непреодолимо захотѣлось (какъ ни стыдно въ этомъ признаться) запустить, именно запустить въ Марину чѣмънибудь большимъ и тяжелымъ. Первое, что попало подъ руку, было имя Всеволода Валеріановича. Я почти вкрикъ кинулся обвинять Марину, что она превращаетъ его въ раба, въ пуделя, который, зная, что ему никогда не скажутъ «пиль» только ради куска сахару на носу служить на заднихъ лапкахъ и исполняетъ ф ѣ ся приказы...

Это была ужасная мнута: отвратительная, безобразная и сейчасъ такая же пронзительно стыдная, какъ въ первый моментъ отрезвленія.

Я попалъ больнѣе, чѣмъ думалъ. Бѣдная Марина вскинулась на меня съ непередаваемымъ гнѣвомъ: «Никогда не смѣйте трогать Всеволода, Вы его мизинца не стоите. Мнѣ нечѣмъ отвѣчать на его любовь — это его и моя трагедія, — но если бы въ мірѣ не было такой любви, такихъ людей, міру не на чемъ было бы держаться!»

Я пришелъ въ изступленіе, такой защиты я не ждалъ.
«И все же Вы боитесь, что Вашъ вседержитель не вы-

держитъ вида нашей любви и преспокойно обманываете и усыпляете его?»

« Молчите, не говорите такъ. Это не вашей глубины дѣло ».

Я собралъ всѣ свои силы, чтобы ничего не отвѣтить. Наступило долгое, тяжкое молчаніе, потомъ раздались медленные, словно безконечное количество разъ безъ словъ про себя повторенныя слова : « не обо всемъ можно живымъ говорить другъ съ другомъ ; есть вещи, въ которыхъ признаться все равно, что просить убить себя ».

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора поздно вечеромъ въ мой номеръ не постучавшись вошелъ Всеволодъ Валеріановичъ. Онъ былъ въ какомъ-то безумномъ состояніи и не могъ говорить отъ волненія ; все же я сразу понялъ, что онъ на что-то рѣшился.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ борьбы онъ справился съ собою и заговорилъ сумбурно и отрывочно что-то о послѣднемъ срокѣ и какомъ то послѣднемъ средствѣ, о томъ, что я долженъ немедленно покинуть Петербургъ, оставить въ покоѣ Марину, что иначе онъ ни за что не ручается, на все пойдетъ.

Рѣчь была явно заготовлена, но все же темна; можетъ быть, я и самъ былъ въ какомъ-то странномъ разсѣяніи души, — не знаю; во всякомъ случаѣ я мало что понялъ, но сразу же рѣшилъ, что онъ въ припадкѣ вырвавшейся наконецъ ревности и самъ не понимаетъ, грозитъ ли мнѣ дуэлью или убійствомъ.

Я вскипѣлъ почти до потери сознанія, но, сдержавъ себя, предложилъ ему папиросу и съ отвратительною твердою вѣжливостью, звукъ которой никогда не перестаетъ рѣзать мнѣ сердце, отвѣтилъ, что покинуть Петербурга не могу, но въ Петербургѣ всегда готовъ къ его услугамъ. При этихъ словахъ я въ упоръ взглянулъ въ его глаза.

Въ его мутномъ, лихорадочномъ взорѣ что-то мучительно напряглось и вдругъ переломилось.

Ему (и въ ту же минуту и мнѣ) стало больно и стыдно, что я его такъ грубо не понялъ. Онъ густо покраснѣлъ, беспомощно вкривъ улыбку, безнадежно махнулъ рукой и заспѣшилъ къ двери.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось уговорить его простить мою безтактность, вернуться и объяснить въ чемъ дѣло.

Все дальнѣйшее очень страшно и очень злосчастно, Наташа, не знаю какъ и рассказать Тебѣ.

Высоко вздернувъ лѣвое плечо и нервно перехватывая правой рукой околышъ фуражки, Всеволодъ Валеріановичъ тяжело и стремительно ходилъ по комнатѣ и говорилъ о страшномъ состояніи Марины. Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, и все же, Наташа, (какое-то странное состояніе сознанія!) весь онъ до меня по настоящему не доходилъ. Я ощущалъ его не какъ со мной говорящаго человѣка, а какъ при мнѣ говорящее существо, какъ актера, произносящаго монологъ или бредящаго умалишеннаго.

Онъ говорилъ, что все знаетъ, не ревнуетъ, все личное давно убито, онъ только не можетъ видѣть, какъ она страдаетъ, не можетъ дальше бороться съ ея мольбой избавить, наконецъ, ее отъ непосильныхъ мукъ. У него нѣтъ своей воли, и онъ чувствуетъ что сходить съ ума... Всѣ эти обрывки его метавшейся рѣчи ясно доходили до меня, но ихъ смыслъ: «надо же что нибудь сдѣлать, спасите ее, вы только и можете, я затѣмъ и пришелъ» — не доходилъ и даже больше доходилъ обратный: ничего спасти нельзя и ничего спасать не надо.

Одна минута полной ясности въ нашемъ разговорѣ все-же была. Мертвенно-объективный образъ Всеволода Валеріановича вдругъ до конца вочеловѣчился, по душѣ полоснуло прозрѣніемъ; Маринины слова: «во всемъ признаться все равно что просить убить себя», связались съ отчаяніемъ Всеволода Валеріановича; весь предстоя-

щій ужасъ всталъ въ дневной, трезвый свѣтъ и порывъ спасти, спастись рванулся впередъ. Но это длилось одну секунду. Уже въ слѣдующія мои безумныя мысли снова крутились во мнѣ, снова куда-то сносили меня... пусть все рушится, пусть гибнетъ, такова любовь, таковы пути ея...

« А почему бы Вамъ не исполнить ея желанія, и намъ не отправиться за ней », услышалъ я вдругъ свой отчетливый голосъ, « смерть любовь только славить ! » Всеволодъ Валеріановичъ остановился, какъ громомъ оглушенный.

« Если вы шутите, то вы вдвойнѣ сумасшедшій ! ».

« Можетъ быть, но мнѣ кажется я даю Вамъ вполне разумный совѣтъ ».

Какъ я это сказала, какъ я могъ это сказать, гдѣ былъ я, когда во мнѣ сами себя произносили эти безумныя слова, я не знаю. Знаю только, что я ихъ сказала.

Какъ и когда отъ меня ушелъ Всеволодъ Валеріановичъ, и что было послѣ его ухода, я не помню.

Когда я очнулся я сразу почувствовалъ, что непоправимое уже произошло. Я бросился на улицу. Было еще совсѣмъ темно. Уже издали я увидѣлъ, что всѣ окна Марининой квартиры ярко освѣщены. Въ подъездѣ была толпіца и толпились любопытные...

Смысль оставленной на мое имя Всеволодомъ Валеріановичемъ записки: « очередь за вами » я при допросѣ предпочелъ не открывать. Не по боязни какихъ-либо послѣдствій, мнѣ ничего не угрожало, а по безразличности, по полной невозможности говорить объ этомъ съ чужими людьми.

Марина по предположенію врача умерла мгновенно. Всеволодъ Валеріановичъ по всей вѣроятности сильно мутился. Я засталъ его въ безпамятствѣ. Онъ скончался при мнѣ, не приходя въ сознаніе...

Знаю, что своимъ рассказомъ я къ Твоимъ мукамъ прибавилъ новыя, самыя страшныя. Все случившееся было

не только несчастіемъ, но было и преступленіемъ. Всеволодомъ Валеріановичемъ курокъ былъ только взведенъ, спущенъ онъ былъ мною. Отъ этого чувства мнѣ не уйти никогда.

Со своей тоской — все рассказать Тебѣ, я боролся долго, Наташа, но въ концѣ концовъ обезсилѣлъ и сдался: невыносимая вещь одиночество.

Прости меня. Прости, что зная, чего Тебѣ стоилъ уходить отъ меня, иду къ Тебѣ со своею исповѣдью.

Мучить Тебя рассказомъ о своихъ страданіяхъ не буду. Повѣрь только одному: бывали дни такого отчаянія, когда ничего казалось не оставалось, какъ исполнить волю Всеволода Валеріановича. Ни одной мысли не возникало въ головѣ, ни одного чувства въ сердцѣ. Живыми оставались только глаза, но они ничего не видѣли передъ собою кромѣ смерти...

Что меня спасло — не знаю. Можетъ быть чудо Твоей любви...

Въ страшномъ душевномъ смятеніи и въ смутной надеждѣ на какую-то помощь я ринулся тогда въ Италію. Но и тамъ, въ Твоей Флоренціи, меня не сразу оставило искушеніе, что во всемъ виновата Ты, Твоя сразу же обезумѣвшая, все забывшая и все предавшая ревность, все: и мои предчувствія о неизбѣжномъ часѣ соблазна и раздвоенія, и мои мольбы о помощи въ этотъ часъ, и Твое согласіе помочь. Сколько я ни внушала себѣ, что Ты ушла не потому, что въ нашу жизнь вошла другая, а потому, что я упорствовалъ въ своей вѣрѣ, что никакая любовь, безъ этой «другой» невозможна, ничего въ тѣ дни не помогло, и душу преслѣдовалъ бредъ, что если бы Ты осталась со мною, Марина не ушла бы изъ жизни и не увела бы съ собой ни въ чемъ неповиннаго Всеволода Валеріановича...

Но въ концѣ концовъ Флоренція, нѣкогда взлелѣвавшая мою любовь къ Тебѣ, все-же побѣдила мое ослѣпленіе. Съ ея прозрачныхъ, голою весеннею вѣткой нѣжно исчерченныхъ холмовъ мнѣ въ душу слетала иной разъ

такая смертельная весенняя тоска по Тебѣ, что мысль о Твоей винѣ представлялась не только нелѣпой, но грѣшной и кощунственной.

Но если виновата не Ты, то кто виновать, --- я? Мои отношенія къ Маринѣ? Цѣлыми днями, ночами, перебиралъ я въ душѣ всѣ до послѣдней мелочи, до послѣдняго слова памятныхъ мнѣ встрѣчи съ Мариной. Я не только честно, я страстно искалъ въ нихъ измѣны Тебѣ, но я не находилъ ея, Наташа. Моя «правда», мои тщательно выхолощенные точки зрѣнія на жизнь и любовь такъ убѣжденно извращали всѣ факты и смыслы, что я запутывался съ каждымъ днемъ все отчаяннѣе и страшнѣе.

Очевидно, всякому постиженію приходитъ свое время, Наташа, и изъ подъ ключа у судьбы никакимъ насиліемъ преждевременно ничего не выкрадешь.

Въ свое время я не понималъ своей вины; сейчасъ не понимаю, какъ она такъ долго могла оставаться непонятной. Сейчасъ такъ ясно, что вся ложь таилась въ моей «правдѣ» и весь мой грѣхъ въ той вѣрности, съ которою я ей служилъ. Никакого смягченія моей вины въ этихъ словахъ нѣтъ. Всякій человѣкъ въ отвѣтъ не только за свои поступки, но прежде всего за свое бытіе; и всякая, на каждомъ шагу оступающаяся правда нравственно въ тысячу разъ выше того параднаго марша иллюзій, подъ звуки котораго я доблестно шелъ своею жизнью, спокойно переступая черезъ непереступаемыя препятствія. Что въ томъ, что я многое видѣлъ вѣрно и точно, что многое чувствовалъ тонко и остро и надъ каждою страницей своей жизни работалъ не только прилежно, но подчасъ и съ вдохновеніемъ. Въ самомъ главномъ, въ единственно существенномъ я былъ слѣпъ и беспомощенъ.

Во всемъ, что я проповѣдовалъ съ такою заносчивою страстностью, чѣмъ такъ жестоко насилывалъ Твою душу и погубилъ Марину, подлинной правдой было только одно, --- то, что никакое счастье не уничтожаетъ трагедіи, не погашаетъ горькаго сознанія, что любовь нигдѣ не вся и

потому всегда не та. Все остальное было сплошною ложью, обманомъ, миражемъ.

Съ чувствомъ горячаго стыда вспоминаю я всё свои утонченныя сложности : о домѣ и дали, о жизни и казни, о какихъ-то особыхъ восполняющихъ темахъ и встрѣчахъ въ любви. Какой безбожный бредъ, Наташа, и какая лукавая мечта ! Какъ будто-бы не въ трагедіи дана намъ полнота всякаго совершенства и абсолютная вершина жизни !

У истины много враговъ. Быть можетъ мечтательность одинъ изъ самыхъ злыхъ и страшныхъ : цвѣтеть голубыми цвѣтами, а растеть на самыхъ топкихъ низинахъ души; на жадностяхъ, на злыхъ, похотливыхъ жадностяхъ, которыя вѣчно гонятся за полнотою жизни и вѣчно расхищаютъ и убиваютъ ее. Моя умная, трусливая, мистическою мечтательностью прикидывавшаяся жадность разрушила Твою жизнь, убила Марину и если не убила меня, то, вѣроятно, только потому, что не смогла убить себя во мнѣ.

Сейчасъ, когда съ моихъ глазъ словно пелена спала, мнѣ съ такою послѣднею ясностью ясно, что если вознесенеіе любви въ полноту и исполненіе и возможно, то во всякомъ случаѣ не на иллюзіонистическихъ путяхъ тлетворныхъ мечтаній, а на путяхъ живой религиозной вѣры въ безсмертіе единственно любимой. Сейчасъ, Наташа, я такъ до конца понимаю Тебя : силами земной любви, любви на землѣ не осилить. Любовь безъ вѣры — не любовь, не полнота, а борьба и распыленіе.

Все это во мнѣ еще не вѣра, только вѣра въ Тебя, томленіе и догадка сердца. Куда я иду, я не знаю, но чувствую, что иду за Тобой.

.....
Война съ каждымъ днемъ становится все грознѣе и жесточе. Мы всё на ней какъ на Страшномъ судѣ. Стоять передъ смертію никому не легко. И все же я чувствую, что со всѣмъ, что у меня на совѣсти, мнѣ вездѣ было бы много труднѣе чѣмъ здѣсь.

Черезъ десять минутъ мы выступаемъ. Въ офицерскую развѣдку назначены я, а отъ сосѣдней бригады Алеша. Это будетъ нашею первою встрѣчей. По слухамъ онъ воюетъ храбро, но не безразсудно. Меня это радуетъ; очевидно, смертнаго отчаянiя у него уже нѣтъ на душѣ.

Какъ-то мы встрѣтимся? Я ѣду на любимцѣ отца, на той же Ракетѣ, на которой я такъ постыдно обскакалъ его въ Клементьевѣ. Надѣюсь, онъ ея не узнаетъ. А если и узнаетъ, врядъ ли это будетъ ему больно. Судьба уравняла насъ: впереди у обоихъ ничего нѣтъ, за спиной смерть!

Самаго важнаго, того, чѣмъ только и живу, я не посмѣлъ сказать Тебѣ. Особой милости я себѣ не жду, Наташа. Жду Твоего слова.

Твой Николай.

Ф. Степунъ.

Конецъ.